

**КАНОНИЧЕСКИЙ БИБЛЕЙСКИЙ ТЕКСТ
В СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ о. А. ВЛАДИМИРОВА
«С ВЫСОТЫ ПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА»)**

В России «литературно-художественное творчество и православная религия всегда находились в тесном взаимоотношении друг с другом» [Дунаев, с. 12]. Во многих произведениях русской литературы, относящихся к разным векам, мы встречаем множество библейских тем, сюжетов, цитат, аллюзий, реминисценций и других форм, отсылающих к Священному Писанию. Все это многообразное присутствие Библии в художественных произведениях может быть приравнено к «библейскому интертексту».

В последние десятилетия в отечественной словесности выдвинулось особое художественное направление — православная литература, представленная широким рядом писательских имен. Произведения православных писателей сегодня находят широкий круг читателей. Н. В. Пращерук подтверждает кажущуюся нам верной мысль о все большем возрастании роли современной православной литературы: «В контексте общекультурных проблем значение православной беллетристики, способной своей системой ценностных и мировоззренческих координат противостоять наступлению на личность, еще более возрастает» [Пращерук, с. 203].

Популярность православной литературы не оставляет сомнений. Особенно ярко звучат фамилии писателей-священников — Т. Шевкунова, А. Владимирова, Я. Шипова, Н. Агафонова, Н. Блохина и др. Произведения представителей нового направления литературы отличаются особый образный язык, увеличивающий долю поэтического начала в прозаическом тексте. Во многом такой эффект достигается благодаря обращению писателей к художественным текстам «золотого» и «серебряного» веков русской классической литературы. Созданные православными писателями оригинальные произведения дают новый импульс и для осмысления широко используемых в них текстов Священного Писания.

Обратимся к книге о. Артемия Владимирова «С высоты птичьего полета». Исследование проявленного в ней особого характера авторского освоения библейских текстов будем проводить с опорой на классификацию интертекстуальных элементов, предложенную Н. А. Фатеевой. Особенно важными для нас оказываются следующие интертекстуальные элементы: цитата (с атрибуцией и без нее), аллюзия (заимствование определенных элементов предтекста), центонный текст (комплекс аллюзий и цитат), реминисценции (неясные ассоциации), цитаты-заглавия, эпиграфы, интертекст-пересказ, вариации на тему предтекста, дописывание «чужого» текста, языковая игра с предтекстом и т. п. [см.: Фатеева, с. 30–35].

Книга о. А. Владимирова во многом автобиографична. Писатель с исповедальной искренностью повествует о своих детских годах, отрочестве, юности. В центре изображения — духовные искания и становление личности главного героя. В каждой жизненной ситуации о. А. Владимирова видит промысел Божий. Достигнув духовной зрелости, он «с высоты птичьего полета» смотрит на прожитые годы и приходит к выводу, что «все видимое связано с невидимым, временное — с вечным, телесное — с духовным» [Владимиров, с. 221]¹.

Книга состоит из 34 небольших глав, тематически и сюжетно связанных друг с другом. Источником движения сюжета является взросление героя, его осмысление происходящих событий, переживания новых встреч и знакомств. Стремясь к простоте, четкости, ясности изложения, о. А. Владимирова находит собственную «формулу» построения глав, каждая из которых содержит три обязательные составляющие. Основу главы составляет авторское воспоминание собственной жизни, написанное легко и с импонирующим чувством юмора, которое продолжается философским выводом, звучащим осмысленно, строго и убедительно. Именно эта часть звучит наиболее назидательно, в ней сосредоточен авторский дидактизм. Композицию главы венчает цитата из Священного Писания или святоотеческих книг. Она напоминает внимательному читателю о том, что в Библии содержатся ответы на любые жизненные вопросы.

Одним из способов выражения авторской позиции в художественной ткани произведения является широкое использование цитат

¹ В дальнейшем данное издание цитируется с указанием страниц в квадратных скобках.

с атрибуцией. Так, в главе «Проказы» автор вспоминает и как бы вновь переживает раскаяние в первых грехах, коснувшихся детской души. Жаркое лето дети с бабушкой проводили на съемных дачах близ реки Оки. Глубоко развитое в шестилетнем герое чувство почтения к старшим не оставляет сомнения в правильности совета местных подростков, отправивших мальчика на колхозное поле выдергивать, а по сути, воровать спелую морковь: «Взирая на этих подростков в мокрых (после купания) черных трусах, как на полубогов, я покорно следовал за ними, семена своими короткими ножками» [с. 47]. Ребенок с радостью собирал колхозную морковь и нес бабушке с гордостью: «Помню, что мною руководила лишь одна мысль: как бы порадовать бабушку столь великим уловом!» [с. 49]. Сколь ни была велика радость, но горечь при осознании ошибки была еще больше: «Дальнейшее расследование “преступления” тотчас низринуло меня с мысленного пьедестала...» [с. 50]. Вспоминая далекое детство, автор размышляет о том, как часто наши благие намерения оказываются заблуждением: «Редко кому из нас удавалось избежать прельщений и падений, последствия которых всегда отзываются болью и стыдом...» [с. 46].

Решающую роль в жизни оступившегося ребенка играет бабушка, окружающая мальчика всеобъемлющей и всепрощающей любовью: «До корней волос прогретые ее милующей любовью, мы, братья, были вполне дружелюбны...» [с. 50]. Автор предостерегает тех, кто может явиться источником детских заблуждений: «...слово Божие угрожает страшной карой тому, кто осмелится сознательно соблазнить единого из малых сих...» В этом предостережении заключена назидательная часть рассказа: «наивность — удобная мишень для греха, а осторожность — подлинная добродетель» [с. 46]. Рассказ заканчивается цитатой из первого послания апостола Павла к коринфянам: «по уму будьте совершенны». Здесь о. Артемий Владимиров приводит «вариацию на тему предтекста» (термин Н. А. Фатеевой), несколько изменяя библейский текст. В послании к коринфянам апостол Павел учит быть детьми, которые не озлобляются, быстро прощают, а зачастую, в силу своей душевной чистоты, не воспринимают плохое: «Братия! не будьте дети умом: на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолетни» [Библия, с. 1257].

Другую форму присутствия интертекста в книге мы видим в главе «Молитва». Структура построения главы сохраняется прежней.

Авторское воспоминание раскрывает перед нами иную картину детства. Босоногий мальчик на берегу реки при вечернем заходе солнца, затаив дыхание, смотрит на поплавок в ожидании поклевки. Желание поймать рыбу столь велико, что с уст ребенка невольно срываются слова первой детской молитвы: «Помню, как мои губы прошептали тогда: “Господи, помоги! Господи, пусть плотвички поскорее клонут! Господи!”» [с. 83]. В поисках ответа на вопрос, почему впервые обращение к Богу произошло именно в тот момент, писатель приходит к выводу об ограниченных невозможностях человеческого познания: «Не на всякий вопрос на земле можно найти ответ...» [с. 84]. Своеобразной проекцией библейского сюжета в будущее предстает в этой главе обращение к тексту Священного Писания. Глава заканчивается ответом Небесного Отца на молитву ребенка, оформленным как прямая речь:

Вот ты ныне держишь в руках удочку и хочешь поймать этих рыбок... Пусть исполнится твоё желание... Но пройдёт известное Мне одному число лет, и Я сделаю тебя ловцом человеков... И тогда ты вспомнишь Того, Кто послал тебе удачу в сегодняшний день... [с. 84].

Первоначальный текст находим в Евангелии от Матфея:

Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел двух братьев: Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, закидывающих сети в море, ибо они были рыболовы, и говорит им: идите за мною, и Я сделаю вас ловцами человеков [Библия, с. 1014].

В книге о. А. Владимирова библейский сюжет дан с изменением внутренней субъектной организации. Благодаря этому библейские персонажи и события включаются в коммуникативную ситуацию (автор — герой — читатель), что позволяет воспринимать лица и факты как реальные. Такой прием существенно усиливает содержательную сторону текста и увеличивает эстетическое воздействие.

Глава «Первенец» повествует о роли старшего брата в жизни героя.

Андрей... всегда возвышался над нами, близнецами, наподобие гигантского дерева с обильной вечнозелёной листвой.

В многоветвистой кроне исполина, под его сенью, мы укрывались, словно малые пичужки, беззаботно воркующие среди колеблемой прохладным ветерком листвы [с. 124].

Однажды, защищая братьев, Андрей сам оказался жертвой многочисленных недоброжелателей. Автор размышляет о том, что подобные случаи совместного противостояния недругам способствовали душевному сближению братьев, а значит, и у врагов есть надежда на помилование, ведь они косвенно способствовали доброму делу. Рассуждения традиционно заканчиваются библейским текстом: «Всех Он заключил в непослушание, чтобы всех помиловать» [с. 132], в данной главе использованным в форме точной цитации с атрибуцией.

В главе «Страх» писатель обращается к ветхозаветному тексту. В центре воспоминания — картина первого столкновения героя со злом, человеческой жестокостью. Мальчишки из соседнего дома, «представлявшие... сродни племени канныбалов», однажды окунули перепуганного ребенка в холодную осеннюю лужу [с. 36]. Автор воспроизводит состояние ужаса, безнадежности, «воспоминание человеческих лиц, в которых, казалось, не было ничего человеческого». Аллюзия восходит к библейскому сюжету грехопадения: «Не так ли праматерь наша Ева, некогда прогуливаясь в прохладе Эдема, увидела образ, а потом и услышала голос зла» [с. 37]. И только «вера высвобождает человеческое сердце из-под гнёта всевозможных страхов, которые, как чугунная плита, придавливают душу к земле» [с. 36].

К сюжету грехопадения отсылает читателя авторская реминисценция в главе «Козленок». Братья-близнецы, собирая с бабушкой грибы в лесу, нашли редкий гриб, который каждый из ребят хотел первым очистить дома. Митенька, руководимый духом соперничества и борьбы, решил не оставлять решение спора до дома и по дороге съел гриб неочищенным и сырым. Лишь позже, мучимый болью и угрызениями совести, ребенок признается в содеянном. Вспоминая нечестный поступок брата, автор рисует картину воспоминания с помощью ветхозаветных образов: «Запретный плод только кажется сладким, но по вкушению чрево всегда чувствует горечь, а сердце наполняется печалью и разочарованием» [с. 87–88].

Тема любви, заявленная в главе «Признание», красной нитью пронизывает всю книгу о. А. Владимирова «С высоты птичьего полета»: «Миром правит любовь. Это хорошо чувствуют дети, нося в своём чистом сердце теплоту любви» [с. 16]. Братья в спальне перед сном горячо признаются друг другу в вечной любви. Однако когда тетушка, рассерженная детским шумом, спрашивает, кого следует наказать за баловство, братья, нисколько не задумываясь, указывают друг на друга. Главу венчают слова апостола Иоанна Богослова об истинном назначении любви, которое не в словах, а в добрых делах, в желании и умении взять на себя ответственность за другого человека: «Любить не словом или языком, но делом и истиною» [с. 21].

Авторские размышления о необходимости деятельной любви продолжают в главе «Детский сад». Разрезвившиеся по дороге домой из детского сада, братья бегут наперегонки друг с другом. Тёма не выдерживает состязания и терпит обидное поражение, упав и больно ударившись:

Я плакал от обиды на Митеньку, на трубу, на неуклюжесть, а собственное жалобное поскуливание только добавляло горечи и умножало рыдания [с. 25].

Как всегда, на помощь приходит бабушка, являвшаяся для ребят олицетворением бескорыстной христианской любви, которая омывает раны и успокаивает словами, лаской. Авторская аллюзия отсылает к библейскому предтексту:

Не так ли Небесный Отец, выбежав навстречу Своему сыну, иждившему наследство «на стране далече», обнимал его и целовал без единого слова попрека и осуждения! Не так ли милосердный самарянин возливал елей на израненного разбойниками путника, «едва жива суща»? [с. 26].

Кульминационным образом в общей цепи авторских рассуждений о смысле и силе любви является образ отчима Леонида Александровича. Немногословный, скромный, он всегда находился рядом с супругой, воспитывая ее троих детей от первого брака как своих собственных. Он запомнился «безмолвным спутником мамы, бесконечно терпеливым и всегда готовым с радостью услужить, проявить

заботу о человеке без малейшего раздражения и неудовольствия...» [с. 135–136]. Для оценки жизни отчима, которая на всем ее протяжении была служением людям, писателю достаточно процитировать строки из послания апостола Павла к коринфянам: «Вот истинная любовь, которая “все переносит, не ищет своего и никогда не перестает”!...» [с. 136].

Книга о. А. Владимирова отличается удивительно простым и красивым языком, что роднит ее с произведениями русской классической литературы. Используемая автором схема построения глав обеспечивает открытость авторской позиции. Уже в аннотации к книге он предупреждает читателей о том, что «повествование отличается ненавязчивой назидательностью» [с. 6]. Автор избирает проповедническую повествовательную стратегию благодаря использованию в книге разных форм «библейского интертекста» (вариация на тему предтекста, проекция библейского сюжета в жизнь героев книги, цитация с атрибуцией). Так он акцентирует внимание читателя на святоотеческих и библейских текстах, проповедует православные ценности.

Сегодня современные читатели становятся свидетелями уникального литературного феномена. Общество, наконец всерьез озабоченное проблемами духовно-нравственного и этического характера, ищет выход из образовавшегося морального вакуума. Каждый сознательный человек осмысливает сложившуюся ситуацию и свою роль в свершении истории. Литература всегда была призвана отвечать на самые острые вопросы, и современная православная литература с достоинством выполняет столь высокую миссию.

Библия : Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: канонические. М., 2011.

Владимиров А. С высоты птичьего полёта. М., 2012.

Дунаев М. М. Православие и русская литература : учеб. пособие для студ. духов. академий и семинарий : в 6 ч. М., 1996. Ч. 1.

Пращерук Н. В. Книга «Несвятые святые» арх. Тихона (Шевкунова): открытие мира // Духовные начала русского искусства и просвещения (Никитские чтения) : материалы XII Международ. науч. конф. / сост. А. В. Моторин. Великий Новгород, 2012. С. 202–206.

Фатеева Н. А. Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1997. Т. 56. № 5.